

А.Л. Чибиров

Алексей Львович Чибиров

Владикавказский научный центр Российской академии наук, директор, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: chibiroff@mail.ru

Скифский язык: современное состояние в разрезе исторических и лингвистических дискуссий

Аннотация. Рассматриваются вопросы современного состояния скифского языка. Уделяется внимание сопоставлению позиций историка-востоковеда и лингвиста С.В. Кулланды и его оппонента Ю.А. Дзицойты, что представляет интерес для более полного освещения вопроса. Автор исходит из того, что вопрос идентификации языка скифов не теряет своей актуальности в свете этнополитических процессов, в которые вовлечена Россия в последние два десятилетия своей новейшей истории. Автор отмечает, что, в ответ на новаторские предложения С.В. Кулланды по новому прочтению скифской ономастики и глосс, лингвисты выдвигают аргументы «против», основываясь прежде всего на выводах классического языкознания. Подчеркивается, что теория польского лингвиста К.Т. Витчака о дифференциации скифского и сармато-аланского языков, получившая свое развитие в цикле статей С.В. Кулланды, аргументирована и подтверждена соответствующими результатами археологических раскопок. Сделан вывод о том, что с поиском и обнаружением новых свидетельств, связанных с языком скифов, теория К.Т. Витчака и С.В. Кулланды, возможно, получит подтверждение или будет опровергнута в дальнейших изысканиях лингвистов.

Ключевые слова: Абаев, Витчак, Кулланда, Дзицойты, скифский язык, скифы, савроматы, сарматы.

Alexey L. Chibirov

The Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies, Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, chibiroff@mail.ru.

Scythian language: current state in the context of historical and linguistic discussions

Abstract. Considering issues of the Scythian language contemporary state, the article focuses on the comparison of scientific positions of S.V. Kullanda, a historian-orientalist and linguist and his opponent Yu.A. Dzitsoity, that is of interest for more complete coverage of the problem. The author assumes that the question of the Scythian language identification does not lose its relevance, especially in the light of ethnopolitical processes in which Russia has been involved during the past two decades of its modern history. The author notes that in response to S.V. Kullanda's innovative suggestions on the new interpretation of the Scythian onomastics and glosses, linguists raise arguments against them, basing on the provisions of Classical Linguistics. The article emphasizes that a theory on differentiation of the Scythian and Sarmato-Alanic languages by a Polish linguist K.T. Vitshak, has been developed in a cycle of S.V. Kullanda's articles that provide arguments and appropriate results of archaeological excavations. The article draws a conclusion that with the search and discovery of new evidences related to the Scythian language, K.T. Vitshak and S.V. Kullanda's theory might obtain confirmation or be disproved in further linguistic studies.

Keywords: Abaev, Vitshak, Kullanda, Dzitsoity, Scythian language, Scythians, Savromats, Sarmatians.

1. ВВЕДЕНИЕ

Науки о древностях, как правило, бывают дискуссионны вдвойне, так как «древность» *a priori* предполагает ограниченное количество материала для изучения, который, к тому же, бывает рассеян как во времени, так и географически, фрагментарен и лишен основной части своего контекста. Особую проблему это представляет для лингвистов, потому что если какой-либо археологический артефакт по форме нередко остается неизменным на протяжении многих веков, то язык весьма изменчив и способен видоизменяться даже в рамках одного поколения. Выдающийся лингвист сэр Гарольд Бейли мог читать, но не говорить более чем на пя-

тидесяти языках, так как невозможно со временем сохранить и воспроизвести фонетику языка.

Мы не знаем, как звучал язык скифов. Обрывочные сведения об их языке позволяют лишь констатировать, что язык скифов – это объединение группы родственных наречий, относящихся к иранской группе индоевропейской языковой семьи второй половины I тыс. до н. э. Открытием для европейской науки в XVIII в. стал факт присутствия на Кавказе народа кавказского облика, говорившего на иранском языке. Этим фактом осетины привлекли внимание исследователей, что и привело к блестящему открытию Юлиуса Клапрота, отождествившего осетин со средневековым народом алан (Klaproth, 1829), т. е. иранцев. В 1866 г. известный герма-

нист, профессор немецкого языка и древностей К.В. Мюллентгоф по ономастическим данным понтийских скифов и сарматов подтвердил теорию Ю. Клапрота (Mullenhoff, 1866). Эти наблюдения стали в Европе классическими (Paulus, 1890), в русской же науке этот вопрос был всесторонне исследован академиком В.Ф. Миллером (Миллер, 1881; 1913), вследствие чего и стала общеизвестной концепция об ираноязычии скифов. На основании реликтовых остатков скифского языка трудами В.И. Абаева был установлен факт этноязыковой преемственности скифо-сармато-алан по языку (Абаев, 1949; Абаев, 1979). На тот момент академическая наука утвердилась во мнении, что осетинский язык является непосредственным продолжателем одного из скифо-сарматских наречий, что «одно из скифских наречий легло в основу осетинского языка» (БЭС, 1991).

На протяжении долгого времени в академической науке была популярна концепция об очень большой близости языка скифов и сарматов. Дискуссия, развернувшаяся среди лингвистов в последние десятилетия, представляется интересной, так как впервые за долгое время рядом современных ученых ставится под сомнение скифо-сармато-аланская языковая преемственность. Мы не имеем возможности погрузиться в проблематику полностью, поэтому постараемся ограничиться представлением и сопоставлением аргументации как сторонников классической постановки вопроса лингвистического соотношения скифов и сарматов, так и ее противников.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Во второй половине двадцатого века работы В.И. Абаева в области иранского языкознания оставались фундаментальными. Мнение его по многим актуальным вопросам лингвистики до сих пор считается определяющим. Однако даже в случае с В.И. Абаевым некоторые его позиции со временем подвергаются существенной корректировке. К примеру, в 1979 году В.И. Абаев опубликовал небольшую очерк под названием «Скифо-сарматские наречия». Основу этого очерка составляет «Словарь скифских слов», который содержит более двух сотен лексем. Эти лексемы В.И. Абаев воссоздал на базе сохранившегося «скифо-сарматского» лексического материала. В.И. Абаев писал: «Тем не менее, в каждом разделе нашего очерка – лексике,

фонетике, словообразовании – мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития *одного и того же языка*» (Абаев, 1949). И далее: «Споры о иранстве и неиранстве скифов и сарматов, основанные на единичных и случайных фактах и толкованиях, надо считать отошедшими в прошлое» (Абаев, 1979). Мнение, выраженное академической наукой о скифском языке, гласило: «На современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» [9, с. 88]¹.

Не представляется возможным в рамках краткого обзора охватить всю проблематику, связанную с современным состоянием вопроса о языке скифов, однако определяющими здесь становятся исследования польского лингвиста К.Т. Витчака, российского лингвиста и историка С.В. Кулланды и его оппонента, «одноклассника» по абаевским курсам, известного осетинского ученого-лингвиста Ю.А. Дзицойты. Отдельную задачу представляет доступность изложения материала для его восприятия аудиторией, не знакомой с азами языкознания. Но в этом отношении нам повезло, ибо все представляемые авторы отличаются не только профессионализмом, но и легкостью и простотой изложения сложнейших проблем, связанных с древними языками.

Итак, в последние два десятилетия появились работы, которые показали новый всплеск интереса к проблеме происхождения скифского языка (К.Т. Витчак, А. Лома, С.В. Кулланда). Несмотря на свидетельство Геродота, подчеркивающего большую близость скифского и савроматского языков скифской эпохи (савроматы якобы на нем говорили «издавна с ошибками»)², подтвержденное такими учеными, как В. Миллер, М. Фасмер, Л. Згуста, В.И. Абаев, Я. Харматта и др., была предпринята попытка отделить эти языки друг от друга. Сарматский

¹ Современным археологам-сарматологам, а также антропологам, изучающим материалы сарматских культур, подобные утверждения должны казаться, мягко говоря, странными. В самом деле, прародина скифов-сколотов и сегодня дискусионна. Так, согласно Т.А. Чикишевой, людям среднесарматской культуры антропологически наиболее близки более ранние жители Северного Сибиряна, а населению позднесарматской культуры, по М.А. Балабановой, – носители тесинской культурной общности в верховьях Енисея. Т.К. Хождаёв считает антропологически близкими к среднесарматской культурной общности останки в двух могильниках джетыясарской культуры устьева Сырдарьи [Яценко и др., 2020: 60-63]. Между этими географическими точками лежат тысячи километров, причем обитатели самых восточных районов явно проживали в контактных языковых зонах.

² Именно савроматского языка, но отнюдь не сарматского. Эта существенная оговорка, как выяснилось позже, внесла некоторую путаницу в определении взаимосвязи скифского и сарматского языков. Она возникла не случайно, т. к. еще во времена активной деятельности К.Ф. Смирнова и затем М.Г. Мошковой, в эпоху преобладания автохтонизма, археологи-сарматологи а priori выстраивали прямую линию культурной преемственности савроматы – сарматы – аланы, практически без миграций и т. п.

считался языком северной ветви восточной группы иранских языков, а скифский – одним из языков южной ветви той же группы (С.В. Кулланда). В результате такого подхода алано-осетинский язык объявлялся преемником исключительно сарматского (а точнее – языка одной из групп сарматов) и не имеющим ничего общего со скифским. Предполагается, что ключевую роль в этой теории должен играть скелотский диалект скифского языка, который действительно демонстрирует языковые черты, открытые и описанные Э.А. Грантовским, характерные для южной ветви восточной группы иранских языков.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

3.1. Предыстория вопроса. К.Т. Витчак и его взгляд на проблему скифского языка

В 1992 г. в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья польского лингвиста Кшиштофа Томаша Витчака «Скифский язык: опыт описания». В своей статье К.Т. Витчак «сформулировал сугубо лингвистические (а не основанные на географии, хронологии или сведениях античных авторов) критерии вычленения собственно скифского пласта из общего массива иранской лексики Северного Причерноморья» [5, с. 195]. Отталкиваясь от утвердившегося к тому времени в языкознании мнения, согласно которому «близкие друг другу иранские диалекты, на которых говорили согдийцы, хорезмийцы и другие северо-восточные племена, а на западе – сарматские племена и современные осетины, восходят к единому скифскому языку как особой ветви общеиранского праязыка» [1, с. 50], К.Т. Витчак подробно разбирает позиции В.И. Абаева, Р. Готье и Я. Харматты. В.И. Абаев, как этимолог и палеолингвист, считал, что язык скифов, хотя и является внутренне однородным, но все же «обособлен от других иранских диалектов, прежде всего – лексически. При этом он исходил из идентификации осетинского языка в качестве продолжения сарматского диалекта и в дальнейшей хронологической перспективе – скифского. Отсутствие тех или иных скифских элементов в осетинской лексике В.И. Абаев склонен объяснять их позднейшей утратой, а не изначальным отсутствием. Следует, однако, добавить, что им признается и наличие диалектной дифференциации между скифским и сарматским» [1, с. 50].

Согласно гипотезе, выдвинутой Я. Харматтой, осетинский этнос сформировался в результате «наслоения» различных иранских народов. К.Т. Витчак отмечал: «Исходя из предположения об отношении древнем характере диалектной дифференциации иранского языка, он (Абаев. – А. Ч.) полагал, что скифо-сарматские языки (или диалекты)

не были гомогенными, и иранские племена, обитавшие в первом тысячелетии до н. э. в Северном Причерноморье, говорили на нескольких самостоятельных иранских языках, во многих отношениях отличавшихся друг от друга. Я. Харматта считал, что на основании одного лишь фонетического критерия можно выделить, по крайней мере, четыре языка или диалекта» [1, с. 51].

Наряду с полиязыковой теорией Я. Харматты и моноязычной, которой придерживались В.И. Абаев и Р. Готье, К.Т. Витчак, со ссылкой на М. Фасмера и Л. Згусту, представляет третью концепцию. Концепция предполагает существование скифского и сармато-аланского языков как двух отдельных, разных языков. В иранских антропонимах, которые зафиксированы в греческих надписях северного побережья Черного моря, Л. Згуста усматривал наличие диалектных различий, которые делил на две группы: восточные, или сарматские (они определяются им как более поздние), и западные, то есть скифские или более архаичные. При этом Л. Згуста отмечает, что «подобный подход не является совершенно неприемлемым для В.И. Абаева, который не исключает, что отдельные иранские племена, обитавшие в причерноморских степях в VII в. до н. э. – IV в. н. э., несколько отличались по языку, поскольку «редко вообще бывает, чтобы язык не делился на говоры и диалекты» [1, с. 51].

К.Т. Витчак полагает, что В.И. Абаев недооценивает свидетельство Геродота, который указывает, что «савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык» (Herod., IV, 117). «Не подлежит сомнению, – пишет он, – что во времена Геродота языковые различия между отдельными иранскими народами были невелики» [1, с. 51]. Спустя шестьсот лет после свидетельства Геродота в своей «Географии» логограф Страбон писал, что персы, мидийцы, бактрийцы и согдийцы (предполагается, что это разные народы. – А. Ч.), относятся к ариям и говорят практически на одном языке³. К.Т. Витчак отмечает, что «слова Геродота «скифский с давних пор испорченный», употребленные по отношению к савроматскому, приобретают в свете сообщения Страбона смысл «другой иранский язык» [1, с. 51], и предлагает уделить более тщательное внимание концепции, которая, опираясь прежде всего на лингвистические данные, предполагает наличие двух отдельных иранских языков – скифского и сарматского, а также «подвергнуть весь скифо-сарматский лексический материал сплошной проверке с целью отделения лексики бесспорно скифской от сарматской и иранской неясного происхождения» [1, с. 51]. К.Т. Витчак также считает необходимым еще раз осуществить этимологическую реинтерпретацию всего скифского материала, так как его анализ ранее проводился только в соответствии

³ «Впрочем, название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части стран бактрийцев и согдийцев. Ведь эти народности говорят почти на одном языке только с незначительными отступлениями». Страбон, География в 17 книгах. Наука, 1964. С. 672.

с законами историко-сравнительной грамматики осетинского языка, т. е. сарматского диалекта. Здесь же он отмечает, что источники для изучения скифского и сарматского языков различны. К примеру, образцы скифской лексики сохранились, в основном, в виде глосс и ономастики, «тогда как словарный состав сарматского почти полностью отражен в осетинском; кроме того, остатки одного из аланских диалектов были зафиксированы на венгерской территории в письменности начала XVI в. н. э., а благодаря греко-византийским авторам в большом количестве сохранились глоссы и даже целые аланские выражения⁴, не считая имен собственных. Таким образом, на основании указанных источников, положение сарматского языка в (индо)иранской языковой семье определено вполне однозначно. Место же скифского языка в этой семье до сих пор остается неуточненным» [1, с. 52]. Предоставив в качестве примера различные корреляции фонетических взаимоотношений скифского и сарматского языков, К.Т. Витчак сформулировал вывод о степени их соотношения. Он писал: «Факторы фонологического рода несопоставимо доказывают, что в скифском языке V в. до н. э. представлены такие явления, которые не наблюдаются ни в сарматском праязыке, ни в одном из происходящих от него языков (аланский, ясский, осетинский)... Перечисленные расхождения наглядно показывают, что нельзя говорить о языках скифов и сарматов, как о близких друг другу диалектах какого-то единого североиранского языка. Это, безусловно, два разных иранских языка» [1, с. 58].

3.2. Развитие идеи К.Т. Витчака в работах С.В. Кулланды

Известно, что никакой реакции В.И. Абаева на статью К.Т. Витчака не последовало. Тема получила дальнейшее развитие в работах ученика В.И. Абаева, известного лингвиста и историка-востоковеда С.В. Кулланды, который в своих трудах, посвященных скифскому языку, продолжил работу по дифференциации скифского и сарматско-аланского языков. Результаты исследований ученого отражены в ряде статей по проблематике, таких как «Еще раз о скифском языке» (2005), «Lingua scythica ad usum historici» (2006), «Scythica obsoleta» (2008), «Уроки скифского» (2011), «Скифские слова в Авесте?» (2012) и др. Итогом цикла его работ, посвященных этногенезу, культуре и языку скифов стала книга «Скифы: язык и этногенез» (2016), в которой автор, в принципе соглашаясь с выводами К.Т. Витчака, корректирует и развивает некоторые его положения, и в дальнейшем представляет свою собственную концепцию в отношении языка и этногенеза скифов-сколотов и групп сарматов.

Монография «Скифы: язык и этногенез» представляет собой мультидисциплинарное исследование, которое включает, в том числе, и сравнительно-историческое языкознание, позволившее автору добиться достаточно интересных результатов. С.В. Кулланда предпринимает попытку вычленив в реликтовых остатках скифского языка слой исконной скифской лексики, что позволяет ему определить его принадлежность. Затем он отождествляет соответствующие заимствования в скифском языке, а также скифские заимствования в других языках, а затем проводит четкую дифференциацию между скифами и восточными иранцами, прежде всего сарматами. Выявив, таким образом, языковые контакты скифов с различными этническими группами, в том числе и народами неиндоевропейского происхождения, С.В. Кулланда подтверждает свои выводы различными примерами. С.В. Кулланда также представил глоссарий скифских слов, в котором предложил свою этимологию ряда скифских и общеиранских лексем.

Основная задача, которую ставил перед собой С.В. Кулланда, заключалась в том, чтобы реконструировать характерные на его взгляд черты скифского языка, которые отличают его от прочих родственных языков (сарматского, алано-осетинского и т. д.). Подобная реконструкция позволила ему прийти к заключению, что особенности скифского языка предполагают схожесть не с теми языками, которые были распространены на территории, где когда-то был распространен скифский (на территории современной Украины, а также в соседних районах России – в бассейне Дона, в степях Западного Предкавказья), а с юговостоиранскими языками (языками Афганистана – пашто, мунджанский, бактрийский, йидга). Помимо письменных источников, исследователь считает необходимым привлечение достижений других смежных наук: лингвистики, социальной антропологии, археологии и т. д., что обеспечивает ему неожиданные и любопытные результаты.

Излагая вкратце современные представления о языке скифов, С.В. Кулланда предпринял попытку «показать возможность их применения в исторических исследованиях и продемонстрировать, какие из устоявшихся историко-культурных гипотез нуждаются в пересмотре в свете установленных к настоящему времени фонетических особенностей скифского языка» [6, с. 195]. До начала девяностых годов XX в. лингвистам не удавалось выделить комплекс каких-либо специфических фонетических черт, отделяющих скифские диалекты от сарматских, хотя и В.И. Абаев, и Л. Згуста, и Я. Харматта обращали внимание на определенные фонетические изоглоссы, характерные для диалектов, различающихся как во времени, так и географически. Причина была, прежде всего, в том, что все диф-

⁴ К примеру, аланские фразы в «Теогониях» византийского писателя И. Цецца (XII в) или Ясский глоссарий (1422 г.).

ференцирующие признаки вырабатывались на материале, представленном исключительно северопричерноморской ономастикой, что не всегда давало возможность отличить скифские имена от собственно сарматских. «До недавнего времени не существовало бесспорных критериев, по которым то или иное слово можно было бы уверенно отнести к скифскому, а не сарматскому словарному фонду, или наоборот (поэтому *a priori* предполагалось, что скифский язык составлял единую подгруппу с сармато-алано-осетинским наречием» [6, с. 196].

Ученый находит такой критерий и приводит его в качестве примера. Он обращает внимание на соответствие названия скифского племени *Παραλάται* – авест. *paraδāta*. Со ссылкой на французского лингвиста Дж. Дармстетера⁵ С.В. Кулланда отмечает, что «переход $d > \delta^2 > 1$ является специфической особенностью юговостоноиранских языков. В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоноиранские языки, а именно бактрийский, афганский, мунджанский, йидга – с другой, время от времени отмечали, но до недавнего времени никто не делал напрашивающиеся выводы и не пытался трактовать все случаи появления *l* в скифском как рефлекс восточноиранского δ (и общеиранского $*d$)» [6, с. 197].

Приведенный пример является всего лишь одним из множества, которые позволяют С.В. Кулланде корректировать К.Т. Витчака. Автор оспаривает некоторые фонетические соответствия или интерпретации, предложенные К. Витчаком, а также дополняет список различий между скифским и сарматским языками, составленный польским лингвистом, что позволяет ему на основании полученных критериев предложить новые этимологии скифских имен. Рассмотренные С.В. Кулландой фонетические переходы позволяют ему заключить, что скифский язык входил в ту же «юговостоноиранскую группу языков, что и *пашто*, *мунджанский*, *йидга* и *бактрийский*, а с сармато-алано-осетинским был связан более отдаленным родством» [7, с. 22].

Вкратце аргументация С.В. Кулланды выглядит следующим образом. Попытки выявления скифских заимствований в западноиранских языках всегда вызывали споры. Известный нидерландский лингвист А.М. Лубоцкий заметил: «Только когда мы находим фонологические признаки, характерные для скифского языка, мы можем быть уверены, что имеем дело действительно со скифским заимствованием» [12, с. 189] (здесь и далее перевод мой. – А.Ч.). Именно поэтому приходится устанавливать конкретные скифские звуковые изменения, а затем искать слова или имена собственные, свидетельствующие о таких изменениях, в клинописных источниках. В скифском языке произошла смена исходной позиции на $*xš > s$, характерная и для некоторых современных юго-восточных иранских

языков, например пашту. На эту черту северопонтийских иранских диалектов указывал Я. Харматта⁶, хотя и не ассоциировал ее со скифскими, что и было проиллюстрировано на следующих примерах: *Σατραβάτης*, имя собственное из фанагорийской надписи IV в. до н. э., где *Σατρα* ясно передает древнеиранское $*xšaθra$ – «власть»; *Σαίoi* < $*xšaya$ – «правитель, царь», этническое название, упоминаемое в ольвийской надписи III в. до н. э. и, вероятно, соответствующее царским скифам; и *Σαταφάρνης* < $*Xšaitafarna$ – «царь» из указанного *Σαίoi*. Эти надписи слишком ранние, чтобы иметь какую-либо связь с сарматами, которые не появлялись в Восточной Европе, не говоря уже о самой западной части Ольвии, до II века до н. э. Более того, сарматский рефлекс начального древнеиранского $*xš$ - (осетинского $xš$ -) неизменно фиксировался как Ξ в греческих надписях Северного Причерноморья. Эламские, ассирийские и греческие переводы иранских существительных с начальным значением, которое восходит к общеиранскому $*xš$ -, отражают либо *s-* (*sa-tar-pa / ba-nu* < $Xšaθrapāna$, греч. *σατράτης* < $*xšaθrapā$ - и т. д.), либо $xš$ - (ассирийское *ka-áš/kaš-ta-ri-ti* < $Xšaθrita$, эпиграфическое греческое *ζατράτης* < $*xšaθrapā$ - и т. д.). Поскольку греки, например, проводили четкое различие между первоначальными иранскими $xš$ - и *s-* (см. выше), это, вероятно, связано с различиями в иранском произношении. Учитывая, что изменение исходной позиции $*xš > s$ было характерно для скифского языка, но отнюдь не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что слова и имена собственные, отражающие начальную *s-* < $*xš$ -, имеют скифское происхождение [7, с. 28]. Эти слова включают в себя важные социальные термины, такие как первичный источник греческого *σατράτης*, и иранские имена, записанные еще в конце IX века до н. э., такие как *sa-ti-ri-a-a* (< $*Xšaθriya$ -), царь Наири в 819 г. С.В. Кулланда предполагает, что этот факт дает ему возможность пересмотреть как хронологию, так и степень влияния скифских походов на Переднюю Азию [7, с. 28].

Далее начинается самое интересное. На основании уточненных фонетических соответствий между скифским языком и другими иранскими языками С.В. Кулланда предпринимает попытку анализа необъяснимой прежде скифской ономастики и пересмотра некоторых общепринятых этимологий. «Так, ввиду преобладавшего в иранском ротацизма, обилие скифских имен, содержащих *l*, представляет определенную загадку. Если же считать, что скифское *l* происходит из иранского $*d$, а скифское d – из иранского $*-nt-$, становится возможным дать непротиворечивые этимологии ряда скифских имен» [5, с. 202]. Соответственно, С.В. Кулланда возводит имя скифского царя Савлия к общеиранскому $*saudia$ – «(Ритуально) Чистый».

⁵ Джеймс Дармстетер (1849–1894) французский востоковед, филолог, лингвист и переводчик.

⁶ Harmatta J. *Studies in the Language of the Iranian tribes in South Russia* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1952. – Vol. 1 – P. 308-309.

Имя Скилура, царя Тавроскифии с тем же фонетическим переходом *Σκίλουρος* < *skidura определяет как «Режущий; Победоносный», а имя его сына Палака (*Πάλακος* < *Rāḏaka, ср. древнеперсидское *rāda* «нога»), толкует как «Ногастый; (Длинно)ногий»⁷ [5, с. 202].

Затем исследователь «штурмует бастионы», которые казались неприступными на протяжении долгого времени. Исходя из предложенных методик, он разбирает общепринятые скифские этимологии, прежде всего – имена персонажей генеалогической легенды о происхождении скифов, упомянутых Геродотом сыновей первоскифа Таргитая, братьев Липоксая (*Λιπόξαις*), Арпоксая (*Αρπόξαις*) и Колаксы (*Κολάξαις*) (Геродот, IV, 5–7). И если вторая часть имен трех братьев не вызывает вопросов со времен П.И. Шафарика (1836) отмечавшего, что *ξαις* есть не что иное, как иранское *xšāya* «власть», то, согласно С.В. Кулланде, начальные компоненты могут и должны быть пересмотрены. В.И. Абаев (ОЯФ, 1949) возвел первый элемент имени Арпоксы к осетинскому слову *arf* «глубокий» (< *āpra) и, соответственно, интерпретировал это имя как «владыка вод» или «владыка Днепра». Впоследствии Э.А. Грантовский (1960, 7) предложил как вариант перевод «владыка глубины». Начальный компонент имени Колаксы В.И. Абаев (1949) возводил к иранскому *xvar* «солнце» и переводил его как «Солнце-царь». Э.А. Грантовский в свою очередь предположил, что *Κολά* может восходить к иранскому *xvaḡua* (с характерным аланским переходом *ri/ru* > *l*), а все имя следует переводить как «царь неба».

В своей фундаментальной работе «Осетинский язык и фольклор» (1949) В.И. Абаев счел первый элемент имени Липоксы не поддающимся объяснению. Э.А. Грантовский предложил вариант, в котором возводил эту часть имени к иранскому *ḡra*, по названию Рипейских гор. «В результате возникла стройная картина, согласно которой имена трех братьев отражали представление о трех космических плоскостях: верхней – небесной, символизировавшей солнцем, средней – надземной и нижней – водной или подземной. В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания» [5, с. 203].

Стоит признать, что слог у С.В. Кулланды очень легкий. Он может позволить относиться к себе с иронией, что проявляется в оборотах типа «скифский язык предстает конгломератом разновременных фонетических явлений, характерных для разных подгрупп иранских языков, являя собой нечто, похожее на знаменитого слона с заячьими ушами...» [8, с. 5], или «я высокомерно отмахнулся от вопроса, заданного археологом» [7, с. 49], отчего материал,

представляемый им, воспринимается просто даже далеким от основ языкознания читателем. Поэтому цитата Томаса Гексли «величайшая трагедия Науки – убиение прекрасной гипотезы безобразным фактом» [8, с. 119], приведенная автором в качестве увертюры для дальнейшего изложения своей аргументации, очень точно характеризует настрой, с которым ученый подходит к изложению своего видения весьма и весьма сложных вопросов.

«Безобразие», согласно С.В. Кулланде, заключается в следующем: «...абсолютно все постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были невозможны» [8, с. 119]. С.В. Кулланда уверен, что ни в скифском языке, ни раннесарматском не могло быть перехода *pr в > *rp*. В качестве примера он ссылается на сарматское название Днепра⁸, которое сохранилось в греческой форме как *Δάναπρις* [8, с. 112]. Это позволяет ему прийти к выводу, что первая часть имени Арпоксы не может восходить к слову *āpra – ‘глубина’. Ссылаясь на приведенные Геродотом в своей «Истории» скифские имена Ариант, Ариапиф, Орик, С.В. Кулланда считает, что в скифском языке не происходило и метатезы *ri* в *li* или *ru* в *l*. Таким образом, первый элемент имени Липоксы, как следствие, не может восходить к иранскому **ripa-*, а первый элемент имени Колаксы – к иранскому слову *xvarya-*. С.В. Кулланда оппонирует коллегам – антиковеду А.И. Иванчику и лингвисту Ю.А. Дзицойты, которые придерживаются традиционной, «абаевской» трактовки имен Липоксы, Арпоксы и Колаксы, и все же отмечает, что «приведенные в нашем глоссарии имена сыновей Таргитая, разумеется, нельзя считать ни твердо установленными, ни фонетически и семантически безупречными. Их единственное преимущество перед общепринятыми состоит в том, что они не входят в неразрешимое противоречие со скифской фонетикой» [8, с. 121].

3.3. Аргументы contra. Позиция Ю.А. Дзицойты

Любая наука интересна прежде всего научной полемикой, поэтому аргументация «против» от известного осетинского ученого-лингвиста Ю.А. Дзицойты, который не без вызова воспринял «безобразные» факты С.В. Кулланды, не заставила себя ждать. Критикуя гипотезу С.В. Кулланды в своей работе «Кавказская Скифия»⁹, Ю.А. Дзицойты полагает, что аргументы, лежащие в ее основе, не кажутся ему абсолютно убедительными: «Отстаиваемые ими (С.В. Кулландой и К.Т. Витчаком. – А. Ч.) этимологии ничуть не лучше тех, которые они отвергают» [3, с. 215]. При этом Ю.А. Дзицойты отмечает две фонетические особенности скифского языка, которые, как считается, имеют большое значение для отличия скифских форм от собственно

⁷ Ср. эпитет бога Вайю в *Авесте* (Yt. XV, 54): *bərəzi, rāḏ* – «высоконогий».

⁸ Скифы называли реку Днепр Борисфеном.

⁹ Дзицойты Ю.А. *Кавказская Скифия* // *Известия ЮОНИИ*. 2009. Вып. XXXVIII. С. 190–228.

сарматских: 1. В скифском языке древнеиранская связка *ri, *ry привела к *ri*, а в сарматском – к *l(i)*. 2. В скифском языке древнеиранская *d получилась как *l*, как и в бактрийском, пуштунском и мунджи, а в сарматском – как *d*. От внимания коллег ускользает тот факт, что эти отличительные черты охватывают не весь скифский материал. Происхождению скифского *ri* исключительно от древнеиранской **ri/ry* противоречат скифские антропонимы *Λιπόξαις* (Липоксаис) и *Κολάξαις* (Колаксаис) (Hrd.IV, 5-6) от **Ripa-xšaya-* (Горы царь) и **Xvarya-xšaya-* (Солнце царь) соответственно (Э.А. Грантовский). С одной стороны, мы имеем скифский этноним *Ἀλιζωνες* / *Ἀλιζωνες* (Hrd.IV, 17) из древнеиранской **aryu-zana-* (Э.А. Грантовский, Д.С. Раевский) и скифский (?) антропоним *Ἰολκάβας* из **urari-kara-* (В.И. Абаев) – с другой. Следовательно, древнеиранское *ri, *ry имеет два разных рефлекса в разных скифских диалектах: *ri* и *l(i)*. В то же время, как показывает сарматский этноним *Areatas* из древнеиранского **arya-ta-* (Я. Харматта), кластеры древнеиранского *ri, *ry не имеют общего рефлекса *l(i)* во всех сарматских диалектах. Следовательно, древнеиранские *ri, *ry имеют точно такие же рефлексы в сарматском языке – *ri* и *l(i)*. Вторая группа аргументов не соотносится со скифским *d* (из др.-и. *d) в таких несомненно скифских гидронимах, как *Δάνατρίς*, *Δάναστρίς*, *Τάναϊς* и др., где *Δάν-* / *Τάν-* от др.-и. [3, с. 215]. Аргументы Ю.А. Дзицойты против еще одной предложенной С.В. Кулландой отсылкой на сарматское название Днепра, который склонен считать элемент *Δάν-* / *Τάν-* сугубо сарматским (и, следовательно, реки Днестр и Днепр получили свои названия после сарматизации Скифии), звучат следующим образом: «Во-первых, у Геродота упомянут гидроним Дон – название пограничной между скифами и савроматами реки. Во-вторых, основа *dānu-* ‘река’, по убедительному мнению В.И. Абаева, является скифо-кельтской изоглоссой, возникшей, несомненно, еще до распада скифо-сарматской языковой общности¹⁰. Отсюда видно, что данная основа вполне могла быть достоянием как сарматского, так и скифского мира. В-третьих, Геродот прямо называет Танаис скифской рекой, а в одном месте даже «меотийской рекой», но ни разу не называет сарматской. У Юстина данный гидроним встречается в качестве имени скифского царя, что также указывает на его скифское, а не сарматское происхождение. В-четвертых, гидроним *Τάναϊς* в качестве названия Сыр-Дарьи у среднеазиатских скифов упоминает Арриан» [3, с. 219].

Ю.А. Дзицойты опровергает и целый ряд этимологий, приведенных С.В. Кулландой, в том числе, и автоэтноним скифов *skiba, придерживаясь идеи о существовании особого – склотского – диалекта скифского языка, имевшего смешанные черты (как северной, так и южной ветвей восточноиранского

языка), чего, по его мнению, не учитывает С.В. Кулланда. Аналогично современный таджикский язык, относящийся к западной группе иранских языков, имеет диалект ваньджи, имеющий массу восточноиранских черт. Ю.А. Дзицойты полагает, что пока нет серьезных оснований отказывать скифскому языку в его праве отнесения к восточноиранским языкам северной группы. «Нет никаких серьезных оснований для причисления скифского языка к южной подгруппе восточноиранских языков. К этой подгруппе следует отнести только склотский диалект скифского языка, происхождение которого следует связать с отмеченным Геродотом передвижением части скифов из Средней Азии в Европу незадолго до нашествия персов» [3, с. 219].

Определенное преимущество позиции С.В. Кулланды перед позицией его коллег заключается прежде всего в том, что, как было отмечено выше, он использовал комплексный подход к решению проблемы, в том числе и привлечение последних данных археологии, что предполагает более полное освещение вопроса. В то же время аргументация Ю.А. Дзицойты подкрепляется весомым мнением выдающегося нидерландского лингвиста А.М. Лубоцкого. В 2002 году в Оксфордском издании *Indo-Iranian Languages and Peoples* вышла небольшая статья А.М. Лубоцкого под названием *Scythian element sinold Iranian*¹¹, в которой автор, в подтверждение позиции В.И. Абаева на примерах склонен искать (и находить) элементы скифского языка именно в осетинском языке. Для прояснения позиции А.М. Лубоцкого мы приведем всего два примера.

Осознавая скудность скифского материала, а также сарматского и аланского языков, представляющих «среднеиранскую» стадию скифского языка, А.М. Лубоцкий пишет: «Мы встанем на твердую почву только тогда, когда рассмотрим историческое развитие осетинского языка, современного представителя одного из скифских диалектов» [12, с. 190], и тут же добавляет: «Важным аргументом в пользу того, что осетины действительно являются «неоскифами», служит имя скифского мятежника *Skunxa*, попавшего в плен к Дарию (ДБ 5,27). Как указывал Фрейман (1948: 239ф.), это название, вероятно, соответствует ос. (Dig.) *æsk'wænxun* ‘отличаться» [12, с. 190, ссылка 2]. Для разрешения поставленной задачи А.М. Лубоцкий предлагает «оттолкнуться» от осетинского языка и двигаться в «обратном направлении». Для этого он отбирает осетинские звуковые изменения, относящиеся к древнейшему слою, и проверяет, не отражаются ли они также в сарматских и аланских именах. Это дает ему возможность предположить, что эти изменения уже имели место в скифских диалектах. «Излишне говорить, что последний шаг обязательно должен оставаться неопределенным. Тем не менее, если

¹⁰ Резонный вопрос: можно ли говорить о скифо-сарматской языковой общности, если предки этих групп народов жили далеко друг от друга?

¹¹ *Indo-Iranian Languages and Peoples (Centennial Bailey)*, ed. N. Sims-Williams (= *Proceedings of the British Academy* 116), Oxford 2002, 189–202., Jan 1, 2002.

мы найдем явно иранское слово в авестийском или древнеперсидском языке, которое не согласуется со звуковыми законами этих языков, и если рассматриваемое конкретное звуковое изменение типично для осетинского и сарматско-аланского языков, мы можем серьезно рассмотреть возможность скифского происхождения» [12, с. 190].

1. А.М. Лубоцкий указывает на две основные изоглоссы, которые отделяют осетинский язык от других иранских языков, а именно иранский *p > осет. *f* и иранское *ti > осет. *c*. Оба развития уже встречаются в сарматских именах в греческих надписях из Южной России (I век до н. э. – III век н. э.). Проблема с изменением звука *p > *f* заключается в том, что в надписях из Северного Причерноморья бывает написано и *пиφ*¹². В.И. Абаев (1949: 212f.; 1979: 332) интерпретировал чередование *π/φ* диахронически, но разные рефлексмы могут принадлежать разным диалектам. Так, формы с *π* засвидетельствованы на Западе (Ольвия), тогда как формы с *φ* встречаются на Востоке. Поэтому А.М. Лубоцкий предполагает, что звуковая смена *p > *f* была характерна для восточно-скифских диалектов.

Ассибиляция *ti > *tsi встречается в двух сарматских именах из Ольвии: *Ἰνσαζαγος*, что обычно интерпретируется как ос. *insæzæg 'Викентий'¹³, и, возможно, *Κονζαίος*, если это связано с осетинским *kuza* 'щенок'¹⁴. Здесь также можно предположить, что ассибиляция могла уже произойти в скифском языке или в некоторых его диалектах. Эти выводы А.М. Лубоцкого определенным образом коррелируются с результатами археологических изысканий Р.Г. Дзаттиаты (см. ссылку 17).

2. Сопоставляя этимологию и концепцию авестийского *xvarənah* и иранского *farnah-, единственным отражением которых в современных языках является осетинское слово *farn*, А.М. Лубоцкий приходит к следующему выводу. Скифское происхождение понятия *xvarənah*- имеет важное хронологи-

ческое значение для датировки Авесты, поскольку это слово уже засвидетельствовано в Гатах. Когда носители авестийского языка могли заимствовать у скифов слово *xvarənah*? Сложно найти утвердительный ответ на этот вопрос, так как скифы должны были длительное время контактировать с носителями авестийского языка¹⁵. В то же время известно, что скифы достигли своего могущества приблизительно в конце IX в. до н. э. Тогда же они пришли на Иранское нагорье и завоевали Мидию, поэтому вполне вероятно, что заимствование носителями Авесты слова *xvarənah*-, которое было важным скифским понятием, произошло не ранее конца IX или начала IIХ века¹⁶. Таким образом, этот аргумент представляет собой конечную точку для определения времени создания Авесты. Это лишь немногим позже общепринятой датировки, которая по лингвистическим основаниям относит Старую Авесту примерно к X веку.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не вдаваясь далее в лингвистические дискуссии, обратим внимание на следующую деталь. Современная археология четко различает геродотовских савроматов от сирматов – самых ранних сарматов более позднего периода¹⁷. Сирматы-сарматы вышли на историческую арену уже в постгеродотовский период, то есть после V в. до н. э. Понятно, что Геродот не мог указывать в своем сочинении на народ, который представлен в исторических источниках гораздо позже. Так, сирматы появляются в античных хрониках в конце IV в. до н. э. в перипле псевдо-Скилака (около 338 г. до н. э.), а начиная с III в. до н. э. вместо этнонима *сирматы* те же античные источники используют термины «Сарматия» и *сарматы* для обозначения как тех территорий, на которых ранее проживали сирматы, так и более восточных. И еще. Каковы бы ни были

¹² См. Πουρθαίος (Ольвия) / Φουρτας (Танаус) (< *puθa-, осет. *fyr/furt* 'сын'); Πίβος (Березань) / Φίβας (Танаус, Пантикапей) (< *pitā, осет. *fyd/fidæ* 'omeu')

¹³ Абаев, IESQJ IV, 277; ср. Ос. *ysæzinsæj* 'двадцать' <Пра-осетинское *insæz < *vinsati

¹⁴ Так считает В.И. Абаев (1949: 171), который сравнивает осетинские личные имена *Kuza* и *Kuzæg*.

¹⁵ Считается, что Авеста была составлена в Восточном Иране, в Марве или Герате.

¹⁶ Впрочем, С.В. Кулланда возражает А.М. Лубоцкому и в этом случае (см. Кулланда, 2016:127).

¹⁷ Нисколько не сомневаясь в компетенции коллег, которые, согласно последним данным археологии, разделяют геродотовских савроматов от собственно сарматов, в качестве контраргумента хотелось бы привести следующий пример. Археолог Р.Г. Дзаттиаты фиксирует в позднем средневековье на Центральном Кавказе в основном два вида погребальных сооружений – склепы, которые делятся на три основных вида (подземные, полуподземные и надземные), и каменные ящики. Причем в полуподземных склепах находят костяки с деформированными черепами, а этническая принадлежность подземных склепов явно говорит об иранском, а вернее – аланском происхождении. На это, помимо деформированных черепов, указывают многочисленные аналогии найденных в могильниках предметов. Анализ материала позволил Р.Г. Дзаттиаты прийти к следующему заключению: «На первый взгляд, перед нами вроде совершенно разнообразные погребальные сооружения – каменные ящики, каменные гробницы, катакомбы и три типа погребальных склепов... И с поверхностного взгляда можно утверждать, что каждый раз происходит смена археологической культуры и миграции населения. Но внимательное рассмотрение элементов погребального обряда и погребальных сооружений заставляет отказаться от подобного вывода. Здесь следует отметить тот факт, что некоторые виды погребальных сооружений сосуществуют долгое время» [2, с. 56]. Р.Г. Дзаттиаты считает, что в данном примере различия в погребальном обряде и погребальных сооружениях говорят не о разных этносах, а связаны со степенью христианизации населения горных районов. По его мнению, сосуществование в раннем средневековье трех типов склепов и каменных (или плиточных) ящиков отражает не разнотипность населения, а имеет социально-экономическую окраску [2, с. 66]. Е.И. Крупнов осторожно указывал, что «применительно к Северному Кавказу... категоричность отрицания обязательной связи археологического материала с этносом, мне кажется, неуместна» [4, с. 166]. Стоит также отметить, что даже в современной Осетии можно наблюдать разницу в погребальных обрядах Северной и Южной Осетии, что обусловлено, прежде всего, географической, но не культурной обособленностью осетинских сообществ, и никак не влиянием грузинской погребальной обрядности на южных осетин. Погребальный обряд, традиционный для Южной Осетии, так же архаичен, как и подобная церемония в Северной Осетии.

различия языков скифов и сарматов, разительные отличия культур скифов-скоттов и очень разных групп сарматов явно не сводятся только к антропологии, и, соответственно, – к разным прародинам: они касаются ментальности, базовых акцентов культуры, искусства, социального устройства и воинских традиций и т. д.

Приведенные примеры являются лишь малой частью полемики между лингвистами, возникшей последние двадцать лет, тем более что примеры

эти являются весьма характерными для возникшего диспута. В рамках предполагаемого исследования нет необходимости освещать ее полностью, поскольку задачей, которая поставлена перед нами, является сам факт обозначения весьма интересной дискуссии, лейтмотив которой С.В. Кулланда сформулировал одной, но очень емкой фразой: «Перед нами – очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому, нельзя верить на слово» [8, с. 120].

ЛИТЕРАТУРА

1. Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания / Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50–59.
2. Дзаттиаты Р.Г. Погребальный обряд и погребальные сооружения на Центральном Кавказе в Средневековье / Известия ЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С. 44–67.
3. Дзицойты Ю.А. Кавказская Скифия // Известия ЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С. 190–228.
4. Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ (По материалам Сев.-Кавк. Экспедиции Гос. Ист. Музея, 1935 г.) / Изв. СОНИИ. Том 9, Орджоникидзе, 1940. С. 163–171.
5. Кулланда С.В. *Lingua scythica adu sum historici* / Древности скифской эпохи. Сборник статей. – М.: ИА РАН, 2006. С. 194–209.
6. Кулланда С.В. Уроки скифского. / *Journal of Language Relationship* • Вопросы языкового родства № 5, 2011, Pp. 48–68.

7. Кулланда С.В. Скифы: язык и этнос. / *Вестник РГГУ*, 2011. С. 9–46.
8. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.
9. Полн С.В. От Скифии к Сарматии. – Киев: НПК «Археолог», 1992. 201 с.
10. Страбон. География в 17 книгах. – Наука, 1964. 941 с.
11. Harmatta J. *Studies in the Language of the Iranian tribes in South Russia* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. Vol. 1 P. 261–314.
12. Lubotsky A.M. *Scythian elements in Old Iranian* // *Indo-Iranian Languages and Peoples (Centennial Bailey)* / Ed. by N. Sims-Williams (*Proceedings of the British Academy*. Vol. 116). London, 2002. P. 189–202.

REFERENCES

1. Vitcchak K.T. *Skifskij yazyk: opyt opisaniya* / *Voprosy yazykoznanija*. 1992. № 5. S. 50–59.
2. Dzattiaty R.G. *Pogrebal'nyj obryad i pogrebal'nye sooruzheniya na Central'nom Kavkaze v Srednevekov'e* / *Izvestiya YuONII*. 2009. Vyp. XXXVIII. S. 44–67.
3. Dzijcojty Yu.A. *Kavkazskaya Skifiya* // *Izvestiya YuONII*. 2009. Vyp. XXXVIII. S. 190–228.
4. Krupnov E.I. *Iz itogov arheologicheskikh rabot (Po materialam Sev.-Kavk. Ekspedicii Gos. Ist. Muzeya, 1935 g.)* / *Izv. SONII*. Tom 9, Ordzhonikidze, 1940. S. 163–171.
5. Kullanda S.V. *Lingua scythica adu sum historici* / *Drevnosti skifskoj epohi. Sbornik statej*. – М.: IA RAN, 2006. S. 194–209.
6. Kullanda S.V. *Uroki skifskogo*. / *Journal of Language Relationship* • *Voprosy yazykovogo rodstva* № 5, 2011, Pp. 48–68.
7. Kullanda S.V. *Skify: yazyk i etnos*. / *Vestnik RGGU*, 2011. S. 9–46.
8. Kullanda S.V. *Skify: yazyk i etnogenez*. – М.: *Un-t Dmitriya Pozharskogo*, 2016. 215 s.
9. Polin S.V. *Ot Skifii k Sarmatii*. – Kiev: NPK «Arheolog», 1992. 201 s.
10. Strabon. *Geografiya v 17 knigah*. – Nauka, 1964. 941 s.
11. Harmatta J. *Studies in the Language of the Iranian tribes in South Russia* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. Vol. 1 P. 261–314.
12. Lubotsky A.M. *Scythian elements in Old Iranian* // *Indo-Iranian Languages and Peoples (Centennial Bailey)* / Ed. by N. Sims-Williams (*Proceedings of the British Academy*. Vol. 116). London, 2002. P. 189–202.

